

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

New York Times
Book Review

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Лучше
мне
умереть

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Лучше мне умереть

«Азбука-Аттикус»

1956

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Лучше мне умереть / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1956 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-20266-5

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. К Ниро Вулфу обращается человек с просьбой найти сына, ушедшего из дому одиннадцать лет назад. Блудного сына довольно быстро удастся найти, но находят его в тюрьме, где тот сидит по обвинению в убийстве. И Вулфу необходимо доказать его невиновность.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20266-5

© Стаут Р. Т., 1956
© Азбука-Аттикус, 1956

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рекс Стаут

Лучше мне умереть

Rex Stout
MIGHT AS WELL BE DEAD
Copyright © 1956 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© О. Э. Александрова, перевод, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство Иностранка®

Глава 1

Большинство людей, приехавших на встречу с Ниро Вулфом, тем более из такой глуши, как Небраска, выглядят озабоченными, но только не этот. С гладкой кожей, внимательными карими глазами и тонким ртом, он даже не выглядел на свой возраст. Впрочем, я знал, сколько ему лет: шестьдесят один. Получив телеграмму от Джеймса Р. Херолда из Омахи, штат Небраска, с просьбой принять его в понедельник днем, я естественно навел о нем справки. Он был единственным владельцем компании, занимающейся оптовой торговлей скобяными изделиями, уважаемым гражданином с состоянием более полумиллиона долларов – отличная перспектива на достойный гонорар, если он действительно попал в беду. Но внешность Джеймса Р. Херолда не оправдала моих ожиданий. Судя по его внешнему виду, он вполне мог прийти за отзывом на новое устройство для обрезки орхидей. Он сидел, небрежно откинувшись на спинку красного кожаного кресла.

– Полагаю, – начал он, – мне стоит объяснить, почему я выбрал именно вас.

– Как вам будет угодно, – пробурчал из-за письменного стола Вулф.

Первые полчаса после ланча он за редкими исключениями предпочитал недовольно бурчать.

Херолд перекинул ногу на ногу:

– Речь идет о моем сыне. Я хочу найти своего сына. Примерно месяц назад я дал объявление в нью-йоркских газетах, установил контакты с полицией Нью-Йорка и... Что-то не так?

– Все так. Продолжайте.

Но что-то явно было не так. Вулф скривился. Сидя за своим столом, я мог смело сказать Херолду, что, если бы его проблема не сулила нам солидный гонорар, он мог бы откланяться прямо сейчас. Посетитель, который однажды употребил в кабинете Вулфа выражение «установил контакты», заплатил за эту привилегию дополнительную тысячу долларов, о чем, правда, не догадывался.

На лице Херолда появилась печать задумчивости, но затем оно снова разгладилось.

– О-о... Вы не любите вмешиваться в дела полиции. Но все в порядке. Я связался лишь с лейтенантом Мёрфи из Бюро по розыску пропавших людей и поместил несколько объявлений в разделе частных объявлений, но все безрезультатно, а моя жена уже начала терять терпение, поэтому я позвонил из Омахи лейтенанту Мёрфи, сказал, что хочу обратиться в частное детективное агентство, и попросил кого-нибудь порекомендовать. Он ответил, что не имеет права, но я при желании могу быть очень настойчивым, и он назвал вашу фамилию. При этом он сказал, что лично от вас в поиске пропавших людей будет мало пользы, так как вы слишком толстый и ленивый, но у вас есть двое сотрудников – Арчи Гудвин и Сол Пензер, – которые считаются лучшими в таких делах. Потому я и отправил телеграмму с просьбой принять меня.

Вулф хмыкнул и показал на меня пальцем:

– Это мистер Гудвин. Расскажите ему о вашей проблеме.

– Он ваш сотрудник?

– Да. Мой личный помощник.

– Тогда я все расскажу вам. Предпочитаю иметь дело с руководством. Пол – мой единственный сын. Кроме него, у меня еще две дочери. Когда он окончил Университет Небраски, я ввел его в свой бизнес: оптовую торговлю скобяными изделиями. Это было в тысяча девятьсот сорок пятом, одиннадцать лет назад. В колледже он был слегка необузданным, но я надеялся, что с годами он образумится. Напрасно. Он украл у нашей фирмы двадцать шесть тысяч долларов, и я дал ему пинка под зад. – Тонкие губы мистера Херолда стали еще тоньше. – Выгнал его с работы и из дома. Он покинул Омаху и как в воду канул. Я не желал его больше видеть, но теперь хочу, и моя жена тоже. Месяц назад, восьмого марта, я узнал, что он не брал этих денег.

Я выяснил, кто это сделал, и получил веские доказательства. С этим делом я разобрался, вор получит по заслугам, и теперь я хочу найти сына. – Он достал из кармана большой конверт, что-то вынул оттуда и поднялся с места. – Вот его фотография, сделанная девятнадцатого июня тысяча девятьсот сорок пятого года. Самая последняя, что у меня есть. – Он вручил одно фото и мне тоже. – У меня шесть таких, и, если нужно, я могу сделать еще. – Затем он вернулся к креслу и снова сел. – С ним обошлись несправедливо, и я хочу расставить точки над «i». Мне не за что извиняться, ведь в то время все указывало на то, что деньги взял именно он. Но теперь, когда я знаю, что это не так, мне нужно его найти. Моя жена уже начинает терять терпение.

На фото был круглолицый паренек с ямочкой на подбородке в мантии и академической шапочке. Никакого видимого сходства с отцом. Что касается папаши, он явно был лишен сантиментов. Можно было сказать, что он хорошо держится в данных обстоятельствах, а можно было сказать, что в его жилах течет рыба́ья кровь. Причем скорее последнее.

Вулф уронил фотографию на столешницу.

– Значит, – пробормотал он, – вы полагаете, что он в Нью-Йорке. С чего вы это взяли?

– А с того, что каждый год жена и дочери получают от него открытки на день рождения.

Ну вы знаете, поздравительные открытки. Я всю дорогу подозревал, что моя жена с ним переписывается, но она это отрицает. Говорит, с удовольствием бы написала ему, но он не дал ей своего адреса. Посылал только открытки, и на них стоял почтовый штемпель Нью-Йорка.

– Когда пришла последняя открытка?

– Девятнадцатого ноября, меньше пяти месяцев назад. На день рождения моей дочери Марджери. И опять с почтовым штемпелем Нью-Йорка.

– Что-нибудь еще? А кто-нибудь его там видел?

– По крайней мере, мне об этом неизвестно.

– А полиции удалось хоть как-нибудь продвинуться?

– Нет. Вообще ни на шаг. Впрочем, я не жалуясь. Похоже, им надоело. Хотя, конечно, в таком большом городе, как этот, у них и так дел по горло, и мое лишь одно из многих. Я практически уверен, что одиннадцать лет назад из Омахи он двинулся прямо в Нью-Йорк. На поезде. Но не могу это подтвердить. Полиция отрядила на поиски несколько человек. Они занимались этим неделю. Во всяком случае, мне так сказали. Правда, сейчас – лишь один. И я согласен с женой, что нельзя сидеть сложа руки. Я забросил свой бизнес.

– Это никуда не годится, – сухо произнес Вулф, которому, очевидно, тоже не нравились люди с рыба́ьей кровью. – А объявления в газетах тоже ничего не дали?

– Ничего. Я получил письма с предложениями помощи от пяти детективных агентств. С ответом, естественно, на почтовый ящик. Ну и еще немного – две дюжины, не больше – от разных психов и проходимцев. Полиция проверила письма. Дохлый номер.

– А как были составлены объявления?

– Я сам их составлял. Все однотипные. – Херолд вынул из нагрудного кармана пухлый кожаный бумажник и, порывшись в нем, извлек газетную вырезку. Развернулся к окну, чтобы лучше видеть, и прочел: – «Пол Херолд, покинувший Омаху, штат Небраска, узнает нечто приятное для себя, если немедленно свяжется со своим отцом. Стало известно, что произошла ошибка. Любого, кто прочитал это объявление и кому известно что-то о местонахождении вышеупомянутого Пола в настоящее время или в последние десять лет, просят откликнуться за достойное вознаграждение. Х904 „Таймс“». – После чего, положив вырезку обратно в бумажник, а бумажник – в карман, Херолд сказал: – Я поместил объявление в пяти нью-йоркских газетах. Уже тридцать раз. Деньги на ветер. Я не против того, чтобы тратить деньги, но не люблю выбрасывать их на ветер.

– С таким же успехом вы могли потратить их на меня, или мистера Гудвина, или мистера Пензера. Ваш сын мог изменить имя по приезде в Нью-Йорк. Ну да, скорее всего, так оно и

есть. Ведь ни полицейское расследование, ни объявления не дали никаких результатов. Кстати, а он взял с собой багаж, уезжая из Омахи?

– Да. Он взял всю свою одежду и кое-какие личные вещи. У него с собой был кофр, чемодан и сумка.

– На них были его инициалы?

– Его инициалы? – нахмурился Херолд. – Ну... О да. На кофре и чемодане. Подарки от его матери. Моей жены. А что?

– Просто «П. Х.» или еще второе имя?

– У него нет второго имени. Просто «П. Х.». А что?

– Потому что, если он и изменил имя, то, скорее всего, для удобства сохранил инициалы «П. Х.». Инициалы на багаже могут быть первыми буквами десяти тысяч других имен. Мистер Херолд, даже учитывая наличие инициалов «П. Х.», дело это сложное и очень запутанное, так как, по нашему мнению, ваш сын не хочет, чтобы его нашли, поскольку объявления не дали результата. Поэтому я предлагаю оставить все как есть.

– Вы хотите сказать: прекратить его поиски?

– Да.

– Не могу. Моя жена и мои дочери... Так или иначе, я не согласен. Справедливость прежде всего. Я обязан его найти.

– И вы хотите меня нанять?

– Да. Вас, Гудвина и Пензера.

– В таком случае должен поставить вас в известность, что это может занять много месяцев и расходы будут значительными. Размер выставленного мной счета не зависит от успеха расследования, а мои услуги стоят дорого.

– Я в курсе. Лейтенант Мёрфи мне сообщил. – Сейчас Херолд выглядел более озабоченным, чем когда пришел. – Но я ведь могу в любое время отказаться от ваших услуг, да?

– Безусловно.

– Хорошо. – Он вздохнул с облегчением. – Вам нужен задаток.

– Аванс на расходы. Но что еще более важно, мне нужна вся информация, которую вы способны мне предоставить. – Вулф повернулся ко мне. – Арчи, блокнот!

Блокнот был уже наготове.

Час спустя, когда наш клиент ушел, а Вулф поднялся наверх в оранжерею на дневную встречу с Теодором и орхидеями, я положил в сейф чек на три тысячи долларов, после чего сел за пишущую машинку расшифровать свои записи. Закончив, я получил пять страниц систематизированных фактов, лишь один, максимум два из которых смогут нам пригодиться. У Пола Херолда имелся трехдюймовый шрам на левой ноге, под коленом. Память о произошедшем в детстве несчастном случае. Это, конечно, может оказаться полезным, если мы застанем Пола со спущенными штанами. Благодаря этому шраму Пол был освобожден от службы в армии. Мать звала его Пуси. Он был весьма равнодушен к девушкам, в колледже даже какое-то время встречался с девицей по имени Арлин Мейси, хотя и не дал себя заарканить. Насколько было известно, после отъезда на восток он больше ни с кем не поддерживал связи. Пол специализировался на социологии, правда об этом его отец говорил несколько туманно. Два года Пол брал уроки игры на скрипке, но продал скрипку за двадцать баксов, после чего разразился жуткий скандал. Несмотря на травмированное колено, он пробовал играть в футбол, однако не вошел в команду, а в сорок четвертом играл в бейсбол два иннинга в качестве атакующего защитника против команды Канзаса. А так больше никаким видом спорта не занимался. Пил, курил, но в меру. Азартными играми вроде не увлекался. Он вечно нуждался в карманных деньгах, но до того инцидента с кражей не совершал ничего предосудительного или позорного.

И так далее и тому подобное. Не слишком многообещающе. Наличие свидетельств каких-либо увлечений типа любви к скачущим животным или желания стать президентом Соединен-

ных Штатов Америки могло бы хоть как-то помочь, но ничего такого в досье не было. Если папаша действительно хорошо знал своего сына, в чем я сильно сомневался, тот был самым обычным парнишкой, которому крупно не повезло, и теперь оставалось только гадать, во что он успел превратиться. Похоже, нам с Солом Пензером не стоит благодарить лейтенанта Мёрфи из Бюро по розыску пропавших людей за то, что подсунул нам неходовой товар. Любой коп из Полицейского управления Нью-Йорка, начиная с комиссара Скиннера, с радостью отдал бы дневную зарплату за вычетом налогов, лишь бы посмотреть, как Ниро Вулф потерпит фиаско, и, похоже, тот самый Мёрфи, прокопавшись месяц с делом Херолда, решил, что это отличный выход из положения. Я пошел на кухню и сообщил Фрицу, что мы взяли за работу, с которой проканителиться два года, и все впустую.

– В этом доме ничего не делается впустую, – улыбнувшись, покачал головой Фриц. – Только не у вас с мистером Вулфом.

Он вытащил из холодильника пластиковый контейнер и снял крышку.

– Эй! – запротестовал я. – У нас на ланч была икра шэда! А теперь и на обед?

– Мой дорогой Арчи! – Он позволял себе покровительственный тон лишь в вопросах еды. – Это было просто соте, с соусом из шнитт-лука и кервеля. А сейчас я запеку это в горшочке с анчоусным маслом собственного приготовления. Натру ломтики сала пятью травами. Сверху залью ее сметаной с луком и тремя травами, которую уберу перед подачей. Сезон нереста шэда очень короткий, и мистер Вулф готов лакомиться икрой хоть три раза в день. Ну а ты можешь отправляться в закусную Эла на Десятой авеню и побаловать себя ветчиной на ржаном хлебе и капустным салатом. – Фриц содрогнулся.

Наш разговор перешел в спор, но я решил не перегибать палку, опасаясь быть изгнанным к Элу. Мы все еще продолжали спорить, но тут в шесть часов я услышал звук лифта, на котором Вулф спустился из оранжереи. С легкой душой округлившись, я оставил Фрица натирать сало травами и вернулся в кабинет.

Вулф стоял возле книжных полок и смотрел на глобус, даже более объемистый, чем он сам, видимо желая убедиться, что Омаха, штат Небраска, находится там же, где всегда. Удостоверившись в этом, Вулф подошел к письменному столу, обогнул его и втиснул свое корпулентное тело в сделанное на заказ кресло.

Наклонив голову, Вулф обозрел персидский ковер 14 × 26 футов, закрывавший всю середину кабинета.

– Сейчас апрель. И ковер грязный. Нужно напомнить Фрицу, чтобы отослал ковер в чистку и постелил другой.

– Ну да, – согласился я. – Но в качестве темы для дискуссии этого все же недостаточно. Если вы не хотите обсуждать Пола Херолда, то можете обсудить, например, ситуацию на Ближнем Востоке.

– Мне нет нужды избегать обсуждения этого дела, – проворчал Вулф. – Если верить лейтенанту Мёрфи, оно скорее для вас с Солом. Ты связался с Солом?

– Да. Мы договорились замаскироваться под служащих Армии спасения. Он начинает работать в районе Бэттери-парка и севернее, а я – в районе Ван-Кортланд-парка и южнее. Мы встретимся в сочельник у мавзолея Гранта и сравним наши заметки, а затем переместимся в Бруклин. А у вас есть другие предложения?

– Боюсь, нет. – Вулф тяжело вздохнул. – Дело совершенно безнадежное. Неужели лейтенант Мёрфи имеет на меня зуб?

– Совершенно необязательно. Он ведь коп. А этого более чем достаточно.

– Полагаю, что так. – Вулф прикрыл глаза, но через секунду снова открыл их. – Нужно было отказаться. Разумеется, пропавшего молодого человека в Нью-Йорке знают под другим именем, а не как Пола Херолда. Фотография одиннадцатилетней давности. За одиннадцать лет он мог сильно измениться. Велика вероятность, что он не хочет, чтобы его нашли, а в таком

случае объявления его лишь насторожат. Полиция хорошо обучена розыску пропавших людей. И если после месяца работы... Соедини меня с лейтенантом Мёрфи.

Я подошел к письменному столу, набрал КА 6-2000, с трудом убедил сержанта, что меня устроит только Мёрфи, и, когда тот наконец взял трубку, дал знак Вулфу, а сам остался слушать.

– Лейтенант Мёрфи? Это Ниро Вулф. Ко мне сегодня днем приходил некий Джеймс Р. Херолд из Омахи. Нанял меня на работу по розыску его сына Пола. Сказал, это вы посоветовали ему обратиться ко мне. А еще он сказал, что ваше бюро занимается поиском его сына уже почти месяц. Все верно?

– Все верно. Так вы согласились?

– Да.

– Отлично. Удачи, мистер Вулф.

– Благодарю. А могу я узнать, как далеко вам удалось продвинуться?

– Вообще никак. Мы зашли в тупик.

– А ваше расследование выходило за рамки установленных процедур?

– Зависит от того, что вы называете установленными процедурами. Дело было совершенно очевидным, парню пришлось туго, и мы, можно сказать, приложили все усилия. У меня этим делом по-прежнему занимается весьма толковый человек. Если вы пришлете нам Гудвина с письмом от Херолда, мы с удовольствием покажем ему отчеты.

– Спасибо. Какие-нибудь соображения имеются?

– Боюсь, нет. Желаю удачи.

На сей раз Вулф уже не стал говорить спасибо, а просто повесил трубку.

– Превосходно, – сказал я. – Он считает, что подсунул нам полное дерьмо. Впрочем, так оно и есть, черт возьми! Итак, с чего начнем?

– По крайней мере, не с Бэттери-парка, – проворчал Вулф.

– Уговорили. Ну так откуда? Дело, похоже, еще более поганое, чем кажется. А что, если Пол специально все обтяпал так, чтобы его заподозрили в краже двадцати шести штук, чтобы иметь повод слянуть от папаша? После встречи с этим родителем я бы не удивился. А потом парень видит объявление с просьбой связаться с отцом – ни слова о матери или сестрах, – только с отцом, так как произошла ошибка, и что ему остается делать? Он либо решает рвануть в Перу или на Ближний Восток – опять Ближний Восток, – либо покупает себе накладные усы. Кстати, это мысль. Мы можем проверить всех покупателей накладных усов за последний месяц и, если найдем...

– Заткнись! Есть идея.

– Боже мой! – Я вытаращился на Вулфа. – Значит, еще не все потеряно. Я просто пытался вас немного расшевелить, заставив включить мозги, и, коли на то пошло...

– Я сказал: «Заткнись!» Как думаешь, уже поздно подать объявление в завтрашние газеты?

– В «Газетт» – нет. В «Таймс», возможно, и да.

– Бери блокнот.

Даже если у него внезапно поехала крыша, выхода у меня не было. Я подошел к письменному столу, достал блокнот и открыл его на чистой странице.

– Поместить в разделе «Разное», – сказал Вулф. – Объявление разместить в две колонки высотой три дюйма. Под заголовком «Для П. Х.». Набрать жирными прописными буквами, с точками после «П» и «Х». Внизу текст, более мелким шрифтом: «Ваша невиновность доказана, и мы сожалеем о совершенной по отношению к вам несправедливости...» – Вулф сделал паузу. – Нет, пожалуй, исправь «сожалеем» на «осуждаем». Далее: «Не позволяйте обиде помешать торжеству истины. – (Еще одна пауза.) – Никто насильно не принуждает вас вступить в контакт. Но ваша помощь необходима для установления настоящего преступника. Я с

уважением отнесусь к вашему нежеланию возобновлять оборванные связи». – Вулф поджал губы и кивнул. – Этого вполне достаточно. Укажи мое имя, адрес и номер телефона.

– А почему бы не упомянуть его мать? – спросил я.

– Мы не знаем, как он относится к своей матери.

– Он посылает ей поздравительные открытки на день рождения.

– Но из каких побуждений? Тебе это известно?

– Нет.

– Тогда не стоит рисковать. Мы можем с уверенностью утверждать о наличии у него двух чувств: обиды за поклеп и жажды мести. В противном случае в нем или слишком много, или слишком мало от нормального человека, и мы никогда его не найдем. Я, конечно, понимаю, что мы стреляем наугад в невидимую цель, попасть в которую можно только чудом. А у тебя есть другие предложения?

Я ответил «нет» и пододвинул к себе пишущую машинку.

Глава 2

В любой конкретный момент времени в большом городе насчитывается примерно 38 437 человек, несправедливо обвиненных или считающих, что их несправедливо обвинили, причем шестьдесят шесть из них носят инициалы П. Х. Половина из этих шестидесяти шести, то есть тридцать три человека, видели объявление, и одна треть из этих тридцати трех, а именно одиннадцать, откликнулась на него: трое написали письма, шестеро позвонили и двое явились лично в старый особняк из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, Манхэттен, которым владеет Вулф, где он живет и властвует, правда лишь до тех пор, пока мне не начинает казаться, что он зашел слишком далеко.

Первым откликнулся не П. Х., а Лон Коэн из «Газетт». Он позвонил во вторник утром и поинтересовался нашей ролью в деле Хейса. Я ответил, что у нас нет никакой роли в каком бы то ни было деле Хейса, на что он сказал: «Чушь собачья!» – и продолжил:

– Вулф дает объявление, где говорит, что знает о невиновности П. Х., а вы тут ни при чем? Ой, да брось! И это после всего, что я для тебя сделал! Ведь я только спросил...

Я его оборвал:

– Неправильно набран номер. Но я должен был знать, впрочем, так же как и мистер Вулф. Мы ведь читаем газеты, а следовательно, в курсе, что парня по имени Питер Хейс сейчас судят по обвинению в убийстве. Но не нашего П. Х. Впрочем, это может чертовски осложнить дело. Я молю Бога, чтобы он не прочел объявления.

– Ну ладно. Вы явно что-то скрываете, а когда Вулф что-то скрывает, значит он скрывает что-то ценное. Но когда ты созреешь и немного расслабишься, вспомни обо мне. Меня зовут Деймон, мой Пифий.

Разубеждать его было бесполезно, и я решил замять для ясности. Я не стал тревожить Вулфа, который, как всегда по утрам, занимался в оранжерее, чтобы упрекнуть его за то, что он запаматовал о другом П. Х., обвиняемом в убийстве, поскольку мне и самому следовало об этом помнить.

И в течение дня этот другой П. Х. постоянно отрывал меня от дел. Некто Филип Хорган не стал для меня проблемой, так как явился лично, и я с первого взгляда понял, что он несколько старше пропавшего сына нашего клиента. Еще один человек, явившийся лично, причем во время ланча, оказался крепким орешком. Его звали Перри Хеттингер, и он решительно отказывался верить, что объявление адресовано не ему. К тому времени как я от него отделался и вернулся в столовую, Вулф уже успел доесть пирог с почками, оставив меня без добавки.

С телефонными звонками оказалось несколько сложнее, так как я не видел звонивших. От троих я отделался после соответствующего продолжительного разговора, но еще на троих мне следовало посмотреть самому, поэтому я договорился о встрече с ними. Поскольку я оказался привязан к дому, то пришлось позвонить Солу Пензеру, и он, забрав фотографии пропавшего Пола Херолда, отправился вместо меня на назначенные встречи. Столь детское задание было настоящим оскорблением для Сола, лучшего из всех существующих оперативников со ставкой шестьдесят баксов в день. Но клиент хотел именно Сола, а кто платит, тот и заказывает музыку.

Как я и ожидал, нахождение П. Х. под судом по обвинению в убийстве оказалось большим неудобством, да еще каким. Нам позвонили из всех газет, включая «Таймс», причем две из них отправили к нам журналистов, с которыми я поболтал на пороге. Около полудня позвонил сержант Пэрли Стеббинс из убойного отдела. Хотел поговорить с Вулфом, но я сказал, что мистер Вулф занят. Это было истинной правдой, так как в данный момент Вулф корпел над кроссвордом в лондонском «Обсервере». Я спросил Пэрли, чем могу помочь.

– От тебя дождешься, – огрызнулся Стеббинс. – Впрочем, так же как и от Вулфа. Но когда он публикует объявление, где говорит обвиняемому в убийстве, что уверен в его невиновности и хочет установить настоящего преступника, мы хотим знать, что еще он собирается выкинуть, и мы это узнаем. Если он не скажет мне по телефону, я буду у вас через десять минут.

– С удовольствием сэкономлю твоё время, – заверил я Пэрли. – Но я тебе вот что скажу. Ты ведь все равно мне не поверишь, а поэтому лучше позвони лейтенанту Мёрфи из Бюро по розыску пропавших людей. Он расскажет все об этом деле.

– Это что, шутка?

– Я серьезно. Разве я позволил бы себе разыгрывать представителя закона?! Если результаты встречи тебя не удовлетворят, приезжай к нам на ланч. Перуанская дыня, пирог с почками, эндивий с мартиникской заправкой...

В трубке что-то щелкнуло, и Стеббинс пропал. Повернувшись к Вулфу, я посетовал на то, что от Стеббинса не всегда так легко отвязаться. Вулф еще какое-то время пялился в лондонский «Обсервер», а затем поднял голову:

– Арчи...

– Слушаю, сэр.

– Этот суд над Питером Хейсом начался две недели назад.

– Все верно.

– В «Таймс» есть его фотография. Найди ее.

– Разве это не здорово?! – ухмыльнулся я. – У меня тоже мелькнула мысль о такой возможности, когда позвонил Лон, но я вспомнил фотографии Хейса в «Газетт» и «Дейли ньюс» и выбросил все это из головы. Но еще раз посмотреть явно не повредит.

В одну из моих обязанностей за шестнадцать тысяч долларов в год входило держать подшивку «Таймс» в шкафу под книжными полками. Присев на корточки, я отодвинул дверцу и очень скоро нашел то, что нужно, на семнадцатой полосе номера за двадцать седьмое марта. Бросив взгляд на фото, я вручил газету Ниро Вулфу, после чего, вынув из ящика письменного стола фотографию Пола Херолда в академической мантии, протянул Вулфу и этот снимок. Вулф положил две фотографии рядом и нахмурился. Я встал у него за спиной, чтобы помочь. Газетный снимок был не слишком хорошего качества, но в любом случае, даже если на нем был запечатлен тот самый П. Х., за прошедшие одиннадцать лет он здорово изменился. Пухлые щеки впали, нос усох, губы стали тоньше, подбородок выпятился.

– Нет, – заявил Вулф. – Ну что?

– Совершенно с вами согласен, – кивнул я. – Меньше всего нам хотелось бы найти его в этом месте. Может, мне сходить в зал суда посмотреть на него?

– Не уверен. В любом случае не сегодня. Ты нужен мне здесь.

Однако это лишь на несколько часов отсрочило агонию. Днем, уже разделавшись с журналистами, несколькими П. Х. и послав Сола на задание, я принял неожиданного посетителя. Буквально через три минуты после того, как Вулф отправился на свою ежедневную – с четырех до шести – конференцию с орхидеями, в дверь позвонили, и я пошел открывать. На крыльце стоял мужчина средних лет, которому ближе к вечеру явно не помешает побриться, в мешковатом плаще цвета мокрого асфальта и в шикарном новом хомбурге. Возможно, это был очередной П. Х., но точно не журналист. Посетитель сказал, что хотел бы переговорить с Ниро Вулфом. Я ответил, что мистер Вулф занят, представился и спросил, чем могу помочь. Он сказал, что не знает, и посмотрел на часы. Вид у него был взволнованный.

– У меня очень мало времени. Меня зовут Альберт Фрейер, адвокат. – Вынув из кармана кожаный футляр, он достал визитную карточку и протянул мне. – Я адвокат Питера Хейса, который обвиняется в убийстве первой степени. Меня ждет такси, так как присяжные скоро вернутся и я должен быть на месте. Вам что-нибудь известно об объявлении, которое Ниро Вулф поместил в сегодняшних газетах, «Для П. Х.»?

– Да. Мне все известно.

– Я увидел объявление лишь час назад. Но не хотел обсуждать это по телефону. Я собирался задать вопрос мистеру Вулфу. Объявление предположительно адресовано моему клиенту Питеру Хейсу. И мне нужно задать ему вопрос, это так или нет.

– Я могу ответить. Все было не так. Мистер Вулф впервые узнал о Питере Хейсе из газетных репортажей о суде.

– Вы можете за это поручиться?

– Безусловно ручаюсь.

– Хорошо. – Адвокат выглядел слегка потерянным. – Я надеялся... Впрочем, не важно.

А кто этот П. Х., которому адресовано объявление?

– Человек, имя которого нам неизвестно. Только инициалы.

– А о какой такой несправедливости шла речь в объявлении? Которую нужно исправить?

– О краже, произошедшей одиннадцать лет назад.

– Понимаю. – Он бросил взгляд на наручные часы. – Все, уже опаздываю. Я хотел бы оставить сообщение для мистера Вулфа. Конечно, в жизни случаются подобные совпадения, но нельзя исключать и обычный рекламный трюк. Тогда это может нанести ущерб моему клиенту. Дающий основания для того, чтобы вчинить иск. Было бы неплохо, когда позволит время, поближе ознакомиться с вашим делом. Вы передадите мистеру Вулфу?

– Конечно. Уделите мне, если можно, еще двадцать секунд. Ответьте на мои вопросы.

Где родился Питер Хейс? Где провел детские годы? В каком колледже учился?

Он повернулся ко мне вполборота:

– А почему вас это интересует?

– Я бы предпочел не уточнять. Будем считать, что это праздное любопытство. Я ведь тоже читаю газеты. Я ответил на шесть ваших вопросов. Почему бы вам не ответить на мои три?

– Потому что я не могу. Просто не знаю. – Он повернулся ко мне спиной.

Но я проявил настойчивость:

– Вы это серьезно? Вы защищаете его по обвинению в убийстве и ничего о нем не знаете?! – Он уже спустился на семь ступенек. Пришлось спросить у его спины: – А где его семья?

Посетитель неохотно обернулся:

– У него нет семьи. – И пошел дальше.

Сел в ожидающее его такси, захлопнул дверь, такси отъехало. Я вернулся в кабинет и позвонил в оранжерею по внутреннему телефону.

– Да? – Вулф терпеть не мог, когда его отрывали от орхидей.

– У нас были гости. Адвокат по имени Альберт Фрейер. Он адвокат Питера Хейса, и он не знает, где родился Хейс, где вырос, в какой колледж ходил. Фрейер утверждает, что у Хейса нет семьи. Беру свои слова обратно. Думаю, стоит прокатиться, такси за счет клиента. Все. Я поехал.

– Нет.

– У вас это чисто рефлекторно. Да.

– Отлично. Предупреди Фрица.

Чурбан! Я всегда предупреждаю Фрица. Я отправился на кухню и, выполнив указание Вулфа, вернулся в кабинет, убрал вещи, запер сейф, переключил телефон на кухонный, после чего снял с вешалки в прихожей шляпу и пальто. Фриц уже ждал меня там, чтобы закрыть за мной дверь на цепочку.

Когда привычные действия переходят в разряд автоматических, ты уже их не замечаешь. Как-то раз много лет назад, когда я выходил из дому, за мной увязался хвост, о чем я и не подозревал, и то, что он узнал из моих передвижений за следующий час, стоило нам лишней недели работы по раскрытию очень сложного и важного дела, а нашему клиенту – нескольких тысяч долларов. Наученный горьким опытом, следующие пару недель я, уходя на зада-

ние, всегда проверял тылы, успев за это время довести привычку до автоматизма, и теперь оглядывался практически машинально. В тот вторник, направляясь днем на Девятую авеню, я, кажется, оглянулся шагов через пятьдесят, поскольку это уже вошло в привычку, но если все так и было, значит я ничего не увидел. Когда, сделав еще пятьдесят шагов, я автоматически снова посмотрел назад, у меня в подсознании что-то щелкнуло. Причиной щелчка в подсознании стал шедший за мной примерно в сорока футах субъект, который возник словно из-под земли. Я остановился и повернулся к нему лицом. Замявшись, он достал из кармана листок бумаги, посмотрел на него и принялся изучать фасады домов справа и слева от себя. Ничего умнее и не придумаешь, это даже лучше, чем завязывать шнурки, поскольку его внезапное появление означало, что он или вынырнул из переулка, чтобы последовать за мной, или вышел по своим делам из ближайшего дома. Но тогда зачем глазеть на номера соседних домов?

Итак, за мной увязался хвост. Если я попробую прижать его к ногтю исключительно логическими выводами, он наверняка попросит не морочить ему голову. Конечно, я могу создать ситуацию, когда в моем распоряжении окажется нечто большее, чем просто логика, однако на это потребуется какое-то время, а Фрейер говорил, что присяжные скоро вернутся для вынесения вердикта, и, следовательно, нужно было спешить. Я решил, что вполне могу постоять пару минут и получше рассмотреть этого типа. Среднего роста, в коричневом плаще реглан и фетровой шляпе с загнутыми полями, с худым узким лицом и острым носом. После первой минуты он явно занервничал и поднялся на крыльцо ближайшего дома, где находился кабинет доктора Волмера, и позвонил в звонок. Дверь открыла Хелен Грант, секретарша доктора. Тип в плаще реглан перекинулся с ней парой слов, повернулся, даже не дотронувшись до полей шляпы, спустился на тротуар, после чего поднялся на крыльцо соседнего дома и нажал на кнопку звонка. Мои две минуты истекли, да и вообще хорошего понемножку, поэтому я, уже не оглядываясь, направился на Девятую авеню, остановил такси и велел водителю ехать на перекресток Сентр-стрит и Перл-стрит.

В это время дня в коридорах здания суда было полно народу: адвокатов, клиентов, свидетелей, членов жюри, друзей, врагов, родственников, посредников, вымогателей, политиков и просто обычных жителей. Справившись у служащего внизу, я поднялся на лифте на третий этаж, прошел по коридору и завернул за угол в крыло XIX, рассчитывая легко попасть в зал заседаний, поскольку дело Хейса было самым рядовым, отнюдь не сенсационным.

И действительно, я без труда попал внутрь. Зал заседаний оказался практически пустым – ни судьи, ни жюри присяжных, ни секретаря или стенографистки. Ни Питера Хейса. На скамьях для зрителей в разных концах сидели восемь-девять человек. Наведя справки у стоявшего в дверях пристава, я узнал, что жюри присяжных еще совещается и неизвестно, когда вернется. Тогда я нашел телефон-автомат и сделал два звонка: сперва – Фрицу, чтобы сказать, что, возможно, приду домой только к обеду, а возможно, и нет; затем – доктору Волмеру. Мне ответила Хелен Грант.

– Радость моя, ты меня любишь? – спросил я.

– Нет. И никогда не полюблю.

– Отлично. Я всегда боялся просить об одолжении влюбленных в меня девушек, а от тебя мне нужно именно это. Пятьдесят минут назад мужчина в коричневом плаще реглан позвонил в вашу дверь, и ты ему открыла. Чего он хотел?

– Господи! – возмутилась она. – Скоро ты начнешь прослушивать наш телефон! Только не вздумай впутывать меня в свои темные делишки!

– Никаких темных делишек. Он что, пытался продать тебе героин?

– Вовсе нет. Он спросил, не здесь ли живет некий Артур Холком, и я ответила «нет». Тогда он спросил, не знаю ли я, где он живет, и я снова ответила «нет». Вот и все. Арчи, а в чем дело?

– Ни в чем. Забудь. Расскажу при встрече, если тебя это все еще будет интересовать. А твои слова, что ты меня не любишь, просто художественный свист. Скажи «до свидания».

– Прощай навсегда!

Итак, за мной действительно был хвост. Человек, который ищет Артура Холкома, не должен красться и выскакивать из переулка как черт из табакерки. Конечно, гадать на кофейной гуще не имело смысла, и все же, когда шел обратно по коридору, я естественно задавал себе вопрос: был ли этот тип как-то связан с П. Х., а если и был, то с кем из них?

Подойдя к двери в крыле XIX, я обнаружил некое оживление. Люди входили в зал. Я подошел к судебному приставу и спросил, вернулось ли жюри, на что он ответил:

– Не задавайте вопросов, мистер. Здесь все обо всем знают. Кроме меня. Не задерживайтесь, проходите вперед.

Я прошел в зал заседаний и отошел в сторону, чтобы не мешать движению и спокойно осмотреться. Внезапно меня кто-то окликнул. Я повернулся. Передо мной стоял Альберт Фрейер. Выражение лица у него было не слишком приветливым.

– Значит, вы никогда не слышали о Питере Хейсе, – сквозь зубы процедил он. – Ну, тогда вы еще услышите обо мне.

То, что я промолчал, не имело значения, так как он отнюдь не нуждался в ответе. Фрейер со своим спутником прошел по центральному проходу за барьер и сел за столом для защиты. Я последовал за ним, выбрав место слева в третьем ряду, с той стороны, откуда должен был появиться подсудимый. Секретарь и стенографистка уже заняли свои места; помощник окружного прокурора Мандельбаум, которого Вулф однажды посадил в лужу, уселся за свой стол и поставил перед собой портфель, а рядом устроилась более мелкая сошка. По проходу шли люди, я свернул шею, пытаясь разглядеть среди них типа в коричневом плаще, который искал Артура Холкома, но внезапно по рядам пробежал ропот, и все головы повернулись налево, в том числе и моя. В зал ввели подсудимого.

У меня хорошее зрение, и я попытался его разглядеть, пока он шел к своему стулу, сразу за Альбертом Фрейером. В моем распоряжении было всего четыре секунды, поскольку, когда он сел спиной ко мне, хорошее зрение оказалось без надобности, так как на выпускной фотографии, в академической шапочке и мантии, Пол Херолд был снят анфас. Поэтому я закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Вроде бы он, а вроде и нет. Это вполне мог быть он, однако, глядя на две лежавшие рядом фотографии на письменном столе Вулфа, я бы поставил тридцать к одному, что это не он. А теперь я бы поставил два к одному, а возможно, рискнул бы серьезными деньгами, причем еще неизвестно, на какой из двух вариантов сделал бы ставку. Меня так и подмывало пройти вперед и посмотреть на обвиняемого поближе, но я, собрав всю свою силу воли в кулак, продолжал сидеть как приклеенный.

Присяжные начали занимать места, но я не обращал на них внимания. Подготовка к тому моменту, когда присяжные должны решить судьбу человека, всегда вызывает у зрителей или мурашки по всему телу, или сосущее чувство под ложечкой, но только не у меня. Мой мозг лихорадочно работал, я сверлил глазами затылок обвиняемого, тщетно пытаясь заставить его обернуться. Когда судебный пристав произнес: «Встать, суд идет», присутствующие вскочили, но я немного замешкался. Судья сел, велел нам последовать его примеру, что мы и сделали. Я могу рассказать, что произнес секретарь и что судья спросил у старшины присяжных, лишь благодаря тому, что это рутинная процедура, так как на самом деле пропустил все мимо ушей, снова сосредоточившись на своей цели.

Первые слова, которые мне действительно удалось услышать, произнес старшина жюри присяжных:

– Мы считаем, что подсудимый виновен в предъявляемом ему обвинении, а именно в убийстве первой степени.

Публика зашумела, по залу пронесся ропот и приглушенные шепотки. Женщина за моей спиной захихикала. По крайней мере, мне так показалось. Я сосредоточился на своей цели и не ошибся. Внезапно он порывисто вскочил с места и обвел дерзким, ищущим взглядом зал заседаний, на секунду остановившись на мне. Но затем охранник взял его под руку и, развернув, усадил на место, а Альберт Фрейер встал и потребовал опросить присяжных.

В такие минуты зал обычно замирает, но мне некогда было расслаживаться. Опустив голову и прижав ладонь ко рту, точно меня вот-вот стошнит, я вскочил с места и припустил по проходу к выходу. Ждать еле-еле ползущий лифт было невозможно, и я кубарем скатился с лестницы. На улице уже несколько человек пытались поймать такси, поэтому я, пройдя квартал чуть южнее, вскоре нашел свободную машину и дал водителю свой адрес.

Время я рассчитал практически идеально. В 17:58 я нажал на кнопку звонка, и Фриц, сняв с входной двери цепочку, впустил меня в дом. Ровно через две минуты Вулф должен был спуститься из оранжереи. Фриц проводил меня в кабинет, по дороге доложив, что звонил Сол, который встречался с тремя П. Х., но все впустую. Тем временем в кабинет вошел Вулф и сел за письменный стол, а Фриц удалился.

Вулф поднял на меня глаза:

– Все в порядке?

– Нет, сэр! – с чувством произнес я. – Не в порядке. У меня имеется стойкое ощущение, что Пол Херолд, он же Питер Хейс, только что признан виновным в убийстве первой степени.

Вулф задумчиво пожевал губами:

– Он что, произвел на тебя такое сильное впечатление? Сядь. Ты ведь знаешь, я терпеть не могу вытягивать шею.

Я плюхнулся на стул, развернувшись лицом к Вулфу:

– Ну, я еще очень деликатно донес до вас новости. И это вовсе не впечатление. Это факт. Хотите узнать подробности?

– Да. Те, что относятся к делу.

– Итак, первое. Когда я вышел из дому, за мной увязался хвост. Кстати, тоже проверенный факт, а не впечатление. У меня не было времени играть в игрушки и припирять мужика к стенке, поэтому я от него отделался. По крайней мере, в центр он за мной не последовал. Если, конечно, это имеет значение.

– Дальше, – пробурчал Вулф.

– Когда я попал в зал суда, присяжные еще совещались, но вскоре вернулись. Я сел впереди, в третьем ряду. После того как подсудимого ввели в зал, он прошел буквально в двадцати футах от меня, и я его рассмотрел, но лишь мельком. В основном вполоборота и в профиль. Словом, я не был уверен. Даже готов был бросить монетку. А потом он сел спиной ко мне. Однако, когда старшина присяжных огласил вердикт, подсудимый вскочил и оглядел зал, и было в его взгляде нечто такое, некий вызов... Короче, одно лицо с тем парнишкой на вашем фото. Наденьте на него академическую шапочку, черный балахон, сделайте на одиннадцать лет моложе – и получите Пола Херолда. Я встал и вышел вон. Кстати, еще одна деталь. Адвокат Альберт Фрейер, которому я сказал, что Питер Хейс нас не интересует, видел меня в зале судебных заседаний. Он жутко разозлился и сказал, что мы еще о нем услышим.

Вулф внимательно на меня посмотрел и тяжело вздохнул:

– Проклятье! Впрочем, нас наняли, чтобы найти Пола Херолда. Итак, мы можем сообщить мистеру Херолду, что мы свою работу выполнили?

– Нет. Я, конечно, уверен. Но все же не настолько. Мы сообщаем мистеру Херолду, что его сын осужден за убийство, наш клиент приезжает из Омахи, чтобы увидеть своего отпрыска за тюремной решеткой, и говорит: нет. Вот будет здорово! Лейтенант Мёрфи собирался похихикать над этой историей. Но тогда это уже будет не хихиканье, а лошадиное ржание. Не говоря уже о том, как мне достанется от вас. Нет, так не пойдет.

– Выходит, мы в патовой ситуации?

– Отнюдь. Оптимальный вариант, если вы навестите парня, поговорите с ним, а там уж сами решите. Но поскольку вы отказываетесь от поручений за пределами дома, а парень явно не расположен к непринужденной беседе, полагаю, мне придется взять это на себя. Я имею в виду поручение. Ваша задача – устроить мне свидание с заключенным.

Вулф нахмурился:

– Арчи, у тебя есть особые дарования. Меня всегда восхищала твоя изобретательность в преодолении барьеров.

– Меня тоже. Но даже мои возможности небезграничны. Я как раз думал об этом на обратной дороге в такси. Кремер, или Стеббинс, или Мандельбаум, или кто-нибудь еще из госслужащих быстро прознают, что к чему, и сообщат об этом Мёрфи, ну а тот сразу перехватит инициативу, и если это действительно Пол Херолд, то все лавры достанутся Мёрфи. Здесь требуются дарования покруче моих. А именно ваши.

Вулф недовольно хрюкнул. Позвонил, чтобы Фриц принес пива.

– Полный отчет, пожалуйста. Все, что ты видел и слышал в зале суда.

Я повиновался. Впрочем, это не заняло у меня много времени. Когда я закончил на том эпизоде, как поспешно покинул зал, когда секретарь опрашивал жюри, Вулф потребовал «Таймс» с репортажем о ходе судебного процесса. Я снова залез в шкаф и достал все номера газеты начиная с двадцать седьмого марта и кончая сегодняшним числом. Вулф принялся за первые репортажи из зала суда, я, со своей стороны, решив, что сделаю это не хуже, начал с последнего номера и пошел в обратном порядке. Итак, Вулф дошел до номера за второе апреля, а я – до номера за четвертое апреля, и мы вот-вот должны были столкнуться лбами. Но в этот момент кто-то позвонил в дверь. Я пошел в прихожую и через одностороннюю стеклянную панель во входной двери увидел знакомый мешковатый плащ цвета мокрого асфальта и черный хомбург, которые мне довелось уже дважды лицезреть за сегодняшний день. Я вернулся в кабинет и сообщил Вулфу:

– Он сдержал слово. Альберт Фрейер.

Вулф удивленно поднял брови.

– Ладно,пусти его в дом, – буркнул он.

Глава 3

Адвокат так и не побрился, что с учетом сложившихся обстоятельств было вполне про- стительно. Полагаю, Альберт Фрейер, желая поставить Вулфа на место, не подал ему руку, когда я провел его в кабинет и представил, но тут адвокат явно просчитался. Вулф не принад- лежал к числу любителей обмениваться рукопожатиями.

Фрейер опустил в красное кожаное кресло, и Вулф, развернувшись к посетителю лицом, дружелюбно сказал:

– Мистер Гудвин сообщил мне о вас и об обвинительном вердикте вашему клиенту. Весьма прискорбно.

– А он передал вам, что вы обо мне еще услышите?

– Да, он упоминал об этом.

– Хорошо. А вот и я собственной персоной. – Фрейер почему-то не захотел воспользо- ваться преимуществами большого удобного кресла и сидел на самом краешке, положив ладони на колени. – Гудвин заявил мне, что ваше объявление в сегодняшней газете не имеет отноше- ния к моему клиенту, Питеру Хейсу. Утверждал, что никогда не слышал о нем. Я не поверил ни единому слову. И действительно, меньше чем через час Гудвин появляется в зале суда, где проходит процесс по делу моего клиента. Все это нуждается в объяснениях, и я желаю их полу- чить. Я уверен, что мой клиент невиновен. Уверен, что он жертва дьявольской провокации. Нет, я, конечно, не утверждаю, что вы принимали участие в заговоре. Должен признаться, не вижу, как это можно было осуществить, если объявление появилось в день оглашения вердикта жюри. Но я хочу...

– Мистер Фрейер, – Вулф поднял вверх ладонь, – с вашего позволения, я могу облегчить вашу задачу.

– Но сперва мне нужны удовлетворительные объяснения.

– Я знаю. Именно поэтому и собираюсь сделать то, что почти никогда не делаю и нико- гда не сделаю. Разве что по принуждению. Но сейчас это вызвано чрезвычайными обстоятель- ствами. Итак, я собираюсь передать вам то, что сказал мне мой клиент. Вы ведь член Нью- Йоркской коллегии адвокатов?

– Естественно.

– И вы адвокат по делу Питера Хейса?

– Да.

– Тогда я сообщу вам конфиденциальную информацию.

Фрейер недоверчиво прищурился:

– Я не стану связывать себя обязательствами хранить конфиденциальность, если это может хоть как-то навредить интересам моего клиента.

– Ну, от вас этого и не требуется. Единственное условие – отнестись с уважением к част- ной жизни другого человека. Интересы вашего клиента и моего клиента, возможно, пересека- ются, а возможно, и нет. Если они пересекаются, мы обсудим вопрос, в противном случае нам остается рассчитывать на ваше благоразумие. Вот, в сущности, и все, что я хотел вам сказать.

Итак, Вулф все рассказал. Он не стал слово в слово передавать разговор с Джеймсом Р. Херолдом, но и не упустил некоторые подробности. Когда Вулф закончил, Фрейер уже имел полную картину того, на каком этапе расследования мы находились к четырем часам дня, когда он позвонил в нашу дверь. Адвокат оказался хорошим слушателем и только пару раз перебил Вулфа, для того чтобы кое-что уточнить и попросить показать ему фотографию Пола Херолда.

– Прежде чем продолжить, – сказал Вулф, – предлагаю вам удостовериться в правдивости моих слов. Конечно, заявления мистера Гудвина не имеют для вас юридической силы, однако вы можете изучить расшифровку его записей. Это пять машинописных страниц. Или можете

позвонить лейтенанту Мёрфи. При условии, что сохраните инкогнито. Тут я целиком и полностью отдаю себя в ваши руки. Не хотелось бы, чтобы он начал выяснять наличие возможной связи между вашим П. Х. и моим П. Х.

– Проверка подождет, – согласился Фрейер. – Было бы глупо с вашей стороны напелсти столько небылиц, а я прекрасно вижу, что вы отнюдь не глупец. – Он откинулся на спинку кресла, устраиваясь поудобнее. – Заканчивайте ваш рассказ.

– Мне, собственно, нечего добавить. Когда вы сказали, что ничего не знаете о прошлом вашего клиента и у него нет семьи, Гудвин решил посмотреть на него. Но первый взгляд на вашего клиента в зале суда не позволил прийти к окончательному выводу. Однако, когда, услышав вердикт, ваш клиент встал и повернулся лицом к публике, его лицо совершенно преобразилось. И он стал определенно похож, по крайней мере так решил мистер Гудвин, на юного Пола Херолда на нашем фото. Когда вы сказали, что хотели бы посмотреть на фотографию, я попросил вас подождать. А теперь я прошу вас взглянуть на нее. Арчи?

Я достал из ящика стола фото и протянул Фрейеру. Он внимательно рассмотрел снимок, закрыл глаза, снова открыл их и снова взгляделся в снимок.

– Очень может быть, – согласился Фрейер. – Вполне может быть. – Он снова посмотрел на снимок. – Хотя, может, и нет. – Адвокат обратился ко мне: – Что не так было с его лицом, когда он повернулся к публике?

– Оно стало живым. В нем была сила духа. Как я уже говорил мистру Вулфу, ваш клиент явно посылал кого-то к черту или, по крайней мере, был готов это сделать.

Фрейер покачал головой:

– Никогда не видел его таким. Ему явно не хватало жизненных сил. Когда я впервые его увидел, он сказал: «Лучше мне умереть». Он был воплощением отчаяния. И только.

– Насколько я понимаю, – заметил Вулф, – вы не отрицаете возможности того, что это действительно Пол Херолд. У вас ведь нет информации о его прошлом или о социальных связях, свидетельствующих об обратном?

– Нет. – Адвокат явно задумался. – Такой информации у меня нет. Мой клиент категорически отказался говорить о своем прошлом и утверждает, будто у него не осталось никаких родственников. Чем среди прочего также не преминул воспользоваться окружной прокурор. Не явно, конечно, но вы сами понимаете, как это бывает.

Вулф кивнул:

– Ну а теперь, вы хотите удостовериться в правдивости моих слов?

– Нет. Я принимаю их на веру. Как я уже говорил, вы отнюдь не глупы.

– Тогда давайте рассмотрим сложившуюся ситуацию. Я хочу задать вам два вопроса.

– Не стесняйтесь.

– Ваш клиент в состоянии соразмерно оплачивать ваши услуги?

– Нет, не в состоянии. По крайней мере, соразмерно. Что ни для кого не секрет. Я взялся за это дело по просьбе друга – главы рекламного агентства, где работает, а точнее, работал мой клиент. Все, с кем он сотрудничал в рекламном агентстве, отзываются о нем хорошо, впрочем так же как и остальные – друзья и знакомые, с которыми я связался. Да, я мог бы представить дюжину свидетелей, отзывающихся о нем положительно, если бы это хоть как-то помогло. Но он отгородился от внешнего мира и даже от лучших друзей, причем не только тюремными решетками.

– Тогда, если он действительно Пол Херолд, было бы желательно подтвердить этот факт. Мой клиент – человек обеспеченный. Я отнюдь не собираюсь будить ваше корыстолюбие, но любой труд должен быть достойно оплачен. Если вы убеждены в невинности вашего клиента, то захотите подать апелляцию, а это стоит денег. Итак, мой второй вопрос. Вы сможете развеять наши сомнения, постаравшись выяснить – чем раньше, тем лучше, – является ли ваш П. Х. моим П. Х?

– Ну... – Фрейер уперся локтями в подлокотники кресла. – Я не знаю. С ним очень трудно иметь дело. Он отказался давать свидетельские показания. Как я его ни уговаривал, он наотрез отказался. Не представляю, как ему это подать. Он, скорее всего, откажется. Наверняка откажется, если учесть, как он отнесся к моим вопросам о его прошлом. Боюсь, я не смогу больше представлять его интересы. – Адвокат неожиданно наклонился вперед, его глаза загорелись. – А я этого очень хочу! Я уверен, что его подставили. И у нас до сих пор есть шанс это доказать!

– Тогда, если не возражаете, я сформулирую вопрос следующим образом. – Вулф почти мурлыкал. – В первую очередь нам необходимо подтвердить, что он действительно Пол Херолд. Вы с этим согласны?

– Безусловно. Так вы говорите, ваш клиент из Омахи?

– Да. Вчера вечером он уехал домой.

– Тогда телеграфируйте ему, чтобы вернулся. Когда он приедет, опишите ему истинное положение дел, а я постараюсь устроить ему встречу с моим клиентом.

– Так не пойдет, – покачал головой Вулф. – Если я выясню, что обвиняемый в убийстве – сын моего клиента, мне придется ему об этом сообщить, но если я не уверен, что обвиняемый в убийстве – сын моего клиента, то как я ему об этом скажу, да еще попрошу решить вопрос? Ведь если это не его сын, то я выставлю себя настоящим недотепой. Хотя у меня есть предложение. Вы можете сделать так, чтобы мистер Гудвин встретился и поговорил с вашим клиентом? Этого будет вполне достаточно.

– Каким образом? – нахмурился адвокат. – Ведь Гудвин его уже видел.

– Я сказал: «Поговорил с вашим клиентом». – Вулф посмотрел на меня. – Сколько времени тебе потребуется, чтобы стопроцентно убедиться?

– Наедине?

– Да. Полагаю, охрана будет присутствовать.

– Охрана меня не волнует. Скажем, пять минут. Может, десять для верности.

Вулф снова повернулся к Фрейеру:

– Вы не знаете мистера Гудвина. А вот я знаю. И он обставит все так, что вы останетесь в стороне. Он мастерски умеет переводить на себя стрелки. Вы скажете окружному прокурору, что мистер Гудвин расследует для вас один из аспектов этого дела. Что до вашего клиента, можете смело положиться на мистера Гудвина. – Вулф бросил взгляд на настенные часы. – Это можно устроить прямо сегодня вечером. Не откладывая в долгий ящик. А сейчас я приглашаю вас отобедать с нами. Чем раньше мы все утрясем, тем лучше. И для вас, и для меня.

Однако Фрейер уперся. Его основное возражение состояло в том, что в такое время суток будет сложно устроить свидание с заключенным, даже для его адвоката. Нет, он должен все хорошенько обдумать. Придется отложить до утра. Когда ситуация требует от Вулфа пойти на уступки, он относится к этому философски, и наше совещание закончилось куда в более дружеской обстановке, чем началось. Я проводил Фрейера в прихожую, помог ему надеть плащ и открыл входную дверь.

Я вернулся в кабинет. Вулф явно пытался скрыть самодовольную улыбку. Когда я забрал у него фотографию Пола Херолда, чтобы убрать в ящик своего стола, Вулф заметил:

– Должен признаться, его приход был как нельзя кстати. Впрочем, после вашей встречи в суде этого можно было ожидать.

– Ох-хо-хо! – Я задвинул ящик. – Вы ведь все прекрасно рассчитали. Ваш особый дар. Однако история с адвокатом может выйти нам боком, если это его «хорошенько обдумать» будет означать телефонный звонок в Омаху или даже в Бюро по розыску пропавших людей. Хотя должен признать, вы сделали все, что могли, даже пригласили его на обед. Как вам известно, у меня сегодня вечером свидание, и теперь я приду вовремя.

В тот вечер Вулф обедал в одиночестве, а я всего на полчаса опоздал в клуб «Фламинго», где Лили Роуэн собирала друзей. Все шло как обычно, и через пару часов, когда на танцполе

уже было не протолкнуться, мы переместились в пентхаус Лили, чтобы толпиться уже своим узким кругом. Вернувшись домой около трех часов, я пошел в кабинет, включил свет проверить, не оставил ли мне Вулф на письменном столе записку с поручениями на утро. Но на столе ничего не было. И я поднялся в свою комнату.

Чтобы нормально выспаться, мне необходимо не менее восьми часов, хотя иногда приходится делать и исключения. Поэтому в среду утром я пришел на кухню в девять тридцать – полусонный, но одетый и причесанный, – с вымученной жизнерадостностью приветствовал Фрица, взял со стола апельсиновый сок, который должен был быть комнатной температуры, и только успел сделать глоток, как зазвонил телефон. Подняв трубку, я услышал голос Альберта Фрейера. Он сообщил, что все устроил и в десять тридцать ждет меня в комнате для посетителей в городской тюрьме. Я сказал, что хотел бы побеседовать с его клиентом наедине. Фрейер ответил, что все понимает, но должен удостоверить мою личность и поручиться за меня.

Я повесил трубку и повернулся к Фрицу:

– Времени в обрез, черт побери! Можно мне перехватить две оладьи? Забудь о колбасе.

Только две оладьи, мед и кофе.

Фриц запротестовал, но послушался:

– Арчи, завтракать впопыхах вредно для здоровья.

Ответив Фрицу, что целиком и полностью с ним согласен, я позвонил по внутреннему телефону в оранжерею предупредить Вулфа.

Глава 4

Мне не удалось остаться с клиентом Фрейера наедине. В десяти футах справа от меня на деревянном стуле вроде моего сидела женщина и пристально смотрела на мужчину по другую сторону решетки. Навострив уши, я мог услышать, что говорит мужчина, но не стал этого делать, справедливо рассудив, что у посетительницы не меньше прав на конфиденциальность, чем у меня. В десяти футах слева от меня мужчина на другом стуле, таком же как у меня, также смотрел сквозь отверстия в прутьях решетки на парня, которому было явно не столько лет, сколько Полу Херолду, запечатленному на том фото. Я прекрасно слышал, о чем они говорят, но парня, похоже, это не волновало. Вид у него был скучающий. Вокруг маячили три или четыре копа; тот, что провел меня внутрь, стоял, прислонившись к стене, и тоже явно скучал.

Пока Фрейер выполнял ряд формальностей, необходимых для того, чтобы меня пропустили внутрь, мне сообщили, что у меня есть только пятнадцать минут, и я уже было собрался сказать копу, что, надеюсь, отсчет времени начнется не раньше, чем приведут заключенного, но тут открылась дверь в стене по другую сторону решетки, и появился Питер Хейс с охранником за спиной. Охранник провел Хейса к стулу напротив меня и отошел на пять шагов к стене. Осужденный опустил на стул и удивленно заморгал сквозь прутья решетки.

– Я вас не знаю, – произнес он. – Вы кто такой?

С запавшими бледными щеками, потухшими глазами и тонкими, как ниточка, губами, он выглядел гораздо старше того парнишки в академической шапочке на фото, сделанном одиннадцать лет назад.

Я еще не решил, как начать, поскольку должен видеть лицо собеседника, чтобы выбрать нужный тон для беседы. И то, что разговаривать придется с заключенным, вряд ли облегчит мою задачу, если он замкнется в себе. Я попытался поймать его взгляд, но мешали тюремные решетки.

– Моя фамилия Гудвин, – сказал я. – Арчи Гудвин. Вам приходилось слышать о частном детективном агентстве Ниро Вулфа?

– Да, я о нем слышал. Что вам угодно? – Его голос был глухим и безжизненным, как и его взгляд.

– Я работаю на Ниро Вулфа. Позавчера к нему приходил ваш отец Джеймс Р. Херолд, обратившийся к мистеру Вулфу с просьбой вас отыскать. Ваш отец узнал, что это не вы украли деньги одиннадцать лет назад, и хотел бы наладить отношения. В данный момент это явно не имеет для вас особого значения, но такие вот дела.

Учитывая обстоятельства, он держался на редкость хорошо. На секунду у него отвисла челюсть, но он быстро поджал губы и недрогнувшим голосом произнес:

– Не понимаю, о чем вы. Меня зовут Питер Хейс.

– Конечно, я предвидел, что вы именно так и скажете. Простите, мистер Херолд, но со мной этот номер не пройдет. Проблема в том, что мистеру Вулфу нужны деньги, часть из которых идет на мою зарплату. Итак, мы собираемся сообщить вашему отцу, что нам удалось вас найти, и, конечно, он приедет с вами повидаться. Я здесь исключительно потому, что в силу природной порядочности счел нужным вас известить.

– У меня нет никакого отца. – Теперь его челюсть окаменела, что, естественно, сказалось на голосе. – Вы заблуждаетесь. Вы совершили ошибку. Если он приедет, я откажусь с ним встречаться!

– Давайте не будем горячиться! – Я покачал головой. – А как насчет шрама под коленом на вашей левой ноге? Так не пойдет, мистер Херолд. Вы можете отказаться от свидания с отцом – не знаю, имеет ли человек в вашем положении право голоса, – но он непременно приедет, когда мы поставим его в известность. Кстати, если у нас и были сомнения по поводу вашей

идентификации, вы только что их устранили, отказавшись встречаться с мистером Джеймсом Херолдом, если тот приедет. Зачем так нервничать, если он не ваш отец? Если мы ошиблись, самый простой способ это доказать – разрешить ему все увидеть своими глазами. В нашу задачу не входит уговаривать вас повидаться с ним; наша работа – найти блудного сына, и мы ее выполнили, а если...

Я замолчал, потому что его вдруг затрясло. Я мог спокойно встать и уйти, поскольку выполнил свою миссию, но Фрейеру явно не понравится, если я доведу его клиента до коллапса и оставлю в таком состоянии. Ведь как-никак именно Фрейер устроил мне эту встречу. Поэтому я остался. По обе стороны решетки тянулся длинный прилавок, и осужденный, положив на него сжатые в кулаки руки, стал нервно их потирать.

– Держитесь, – сказал я. – Все, я пошел. Мы просто хотели поставить вас в известность.

– Погодите. – Он перестал дрожать. – Вы можете немного задержаться?

– Не вопрос, – ответил я.

Убрав кулаки с прилавка, заключенный всем телом подался вперед:

– Я вас плохо вижу. Выслушайте меня, ради всего святого! Ради бога, только не говорите ему! Вы не представляете, что это за человек.

– Ну, я уже имел удовольствие с ним встретиться.

– Моя мама и сестры все знают. Думаю, они верят, что я не крал этих денег и меня банально подставили. Да, они наверняка мне верили, а вот он нет. И вот теперь меня снова подставили. Ради всего святого, только не говорите ему! Сейчас уже все кончено, я скоро умру. Да и вообще, лучше мне умереть. Подвергать меня подобному испытанию крайне несправедливо. Я не хочу, чтобы они знали. Боже мой, разве вы не видите, как обстоит дело?!

– Да, я вижу, как обстоит дело. – Я уже стал жалеть, что сразу не ушел.

– Тогда обещайте мне, что ничего ему не скажете. Вы, кажется, порядочный человек. Если мне и суждено умереть за то, чего я не совершал, ничего не поделаешь, здесь я бессилён. Но встреча с отцом – это уже слишком. Я понимаю, что изъясняюсь довольно бессвязно и у меня путаются мысли, но если вы только...

Сперва я не понял, почему он остановился, поскольку, увлекшись разговором, не услышал, как ко мне со спины подошел коп:

– Время вышло.

Я встал с места.

– Обещайте мне! – умоляюще воскликнул Пол Херолд.

– Не могу. – Я повернулся и вышел из помещения.

Фрейер ждал меня в комнате для посетителей. Я не ношу с собой зеркальца и не знаю, каким было выражение моего лица, когда я присоединился к Фрейеру, но уже на улице адвокат спросил:

– Ну что, не сработало?

– Никогда не судите по выражению моего лица, – ответил я. – Можете спросить моих партнеров по покеру. С вашего позволения, я отвечу лично Ниро Вулфу, так как именно он платит мне жалованье. Ну что, вы со мной?

Конечно, Фрейер был со мной. Следует отдать ему должное, он все понимал с полуслова. И пока я разглядывал пейзаж за окном такси, он даже не сделал попытки завязать разговор. Правда, он явно переигрывал. Когда такси остановилось перед старым особняком из бурого песчаника, он наконец заговорил:

– Если вы хотите сперва переговорить с Вулфом, я подожду здесь.

– Нет, – рассмеялся я. – Пошли со мной, и я найду вам беруши.

Он поднялся вслед за мной на крыльцо, я нажал на кнопку звонка, Фриц впустил нас в дом, и мы, повесив на вешалку пальто и шляпы, прошли в кабинет. Вулф, который, сидя за письменным столом, наливал себе пиво, бросил на меня многозначительный взгляд, поздоро-

вался с Фрейером и предложил ему пива. Отказавшись, адвокат занял без приглашения красное кожаное кресло.

Я остался стоять.

– Итак, я видел его и побеседовал с ним, – сказал я Вулфу. – Не буду говорить «да» или «нет». Лучше дам вам подробный отчет. Надеюсь, у вас нет возражений, чтобы мистер Фрейер присутствовал при нашем разговоре?

Вулф поднял с подноса стакан:

– По-твоему, у меня есть причины для возражений?

– Нет, сэр.

– Тогда начинай.

Я решил не переигрывать, но передал все слово в слово. Это не составило особого труда, поскольку единственная разница между мной и магнитофоном заключается в том, что магнитофон не умеет врать. Лично я вру Вулфу лишь тогда, когда речь идет о том, что его абсолютно не касается, а это его явно касалось. Как было сказано выше, я не стал переигрывать, но все же решил, что они должны получить ясную картину. Поэтому я подробно описал, в каком состоянии находился Пол Херолд: его окаменевшую челюсть, его дрожь, его попытку пробить кулаками прилавок и его взгляд, когда он сказал, что подвергать приговоренного к смерти подобному испытанию очень несправедливо. Должен признаться: я отчитывался о встрече с Полом Херолдом стоя, чтобы иметь возможность упираться кулаками в письменный стол Вулфа. Чтобы показать, таким образом, как выглядел Пол Херолд за тюремной решеткой. Закончив отчет, я выдвинул из-за своего стола кресло и рухнул в него.

– Если вы хотите знать мой вывод, – сказал я, – то это твердое «да».

Вулф поставил стакан, глубоко вдохнул и закрыл глаза.

Фрейер, стиснув зубы, покачал головой.

– У меня в жизни еще не было подобного дела. – Адвокат обращался скорее к себе, нежели к нам. – И надеюсь, больше не будет. – Он посмотрел на Вулфа. – Ну и что вы собираетесь делать? Вы ведь не можете просто закрыть на это глаза.

– Глаза мои, что хочу, то и делаю, – пробормотал Вулф, мгновенно открыв глаза. – Арчи, теперь я понимаю, зачем нужно было, чтобы Фрейер услышал твой отчет. Ты хотел еще больше все усложнить.

– Не стану спорить, – смиренно понурился я.

– Тогда отправь мистеру Херолду телеграмму. Напиши, что мы нашли его сына, живым и здоровым, здесь, в Нью-Йорке. Мы выполнили свою работу. Возможно, он приедет.

Фрейер издал непонятный звук и подался всем телом вперед. Я посмотрел на Вулфа и тяжело сглотнул:

– Вот сами и отправляйте. У меня палец болит. Просто наберите Вестерн Юнион два-семь-один-один-один.

Вулф расхохотался. Посторонний человек решил бы, что он только фыркнул, но мне-то лучше знать. Вулф расхохотался еще раз.

– Очень смешно, – сказал я. – А вы слышали анекдот про сороконожку в обувном магазине?

– Полагаю, нам следует все обсудить, – решительно заявил Фрейер.

– Согласен, – кивнул Вулф и посмотрел на меня. – Я только хотел заставить мистера Гудвина обозначить свою позицию. Так ты предпочитаешь телеграфировать мистеру Херолду, что я отказываюсь от этой работы?

– Если альтернативы нет, то да. Пол сказал: «Лучше мне умереть». Он уже практически труп, а я не намерен грабить трупы, чтобы прокормиться, да и вы тоже.

– Подобное сравнение неправомерно, – возразил Вулф. – У меня и в мыслях не было грабить трупы. И все же я бы хотел обсудить альтернативные варианты. Решение, естественно,

за мной. Мистер Херолд поручил мне найти его сына, и теперь лишь мне решать, стоит ли сообщать ему о том, что я выполнил эту работу. – Он замолчал и глотнул пива.

– Как адвокат его сына, я тоже имею право голоса, – заявил Фрейер.

Вулф поставил стакан и облизал губы.

– Нет, сэр. Только не по данному вопросу. Но, несмотря на отсутствие права голоса, у вас действительно имеется свой интерес, который нельзя не учитывать. Давайте рассмотрим его. Есть два альтернативных варианта: сообщить моему клиенту, что мы нашли его сына, или отказаться от порученной мне работы. Назовем их *A* и *B*. В случае варианта *A*, по моим предположениям, ваша миссия будет завершена. Мой клиент придет повидать сына, оценит сложившуюся ситуацию и примет решение, стоит ли оплачивать апелляцию. Если он решит, что не стоит, то на этом для вас все и закончится. Если он решит, что стоит, то после этого, скорее всего, обвинит вас в провале дела и наймет другого адвоката. Мои выводы сделаны на основании впечатления от нашей первой встречи с ним. Арчи?

– Совершенно верно, – решительно поддакнул я.

Вулф повернулся к Фрейеру:

– Ну а в случае варианта *B* все остается как есть. Сколько будет стоить апелляция?

– Это зависит от многого. Потребуется провести различные изыскания. А это как минимум двадцать тысяч долларов. А чтобы пройти до конца, учитывая все накладные расходы, нужно будет гораздо больше.

– Но ваш клиент не может все это оплатить, да?

– Да.

– А вы?

– Тоже не могу.

– В таком случае *B* для вас немногим лучше, чем *A*. Ну а теперь как со мной? Итак, *A* – самый простой и удовлетворительный вариант. Я выполнил свою работу и получил гонорар. Но я должен не только оплачивать счета, но и сохранять самоуважение. Этот человек, ваш клиент, уязвлен до глубины души, и сыпать соль на его раны из корыстных побуждений будет крайне нечистоплотно. Нет, я не могу себе этого позволить. Пусть тем самым я даже опровергну максимуму Ларошфуко, что мы должны изображать сострадание, но всячески избегать его. – Вулф допил пиво и снова поставил стакан на стол. – Может быть, вы хотите пива или чего-нибудь еще?

– Нет, спасибо. Я никогда не пью раньше вечера.

– Тогда кофе? Молока? Воды?

– Нет, благодарю.

– Ну ладно. Так вот, что касается *B*, это для меня тоже не вариант. Я выполнил свою работу и намерен получить причитающийся мне гонорар. Более того, у меня имеется еще одна причина отказаться от варианта *B*. Это помешает мне заниматься данным делом, что меня совершенно не устраивает. Согласно вашему вчерашнему заявлению, вы уверены, что ваш клиент невиновен. Не стану утверждать, будто у меня имеется столь же твердая уверенность, но сильно подозреваю, что вы правы. И на то есть своя причина.

Вулф замолчал, потому что мы с адвокатом смотрели на него во все глаза, а Вулф любил быть в центре внимания.

– Причина? – переспросил адвокат. – Какая причина?

Довольный произведенным эффектом, Вулф продолжил:

– Когда вчера днем мистер Гудвин вышел из дому, собираясь взглянуть на вашего клиента, за ним пристроился какой-то человек. Зачем? Конечно, кто-то мог затаить на мистера Гудвина злобу из-за неких прошлых дел, хотя это крайне маловероятно. Такой человек вряд ли действовал столь непрофессионально. Следовательно, он как-то связан с нашей текущей деятельностью, а в данный момент мы выполняли поручение мистера Херолда. Неужели мистер

Херолд решил нас проверить? Вздор! Скорее всего, дело в нашем объявлении. Очень многие – газетчики, полиция, да и вы, адвокат, – решили, что наше объявление адресовано Питеру Хейсу, а значит, все остальные тоже. Допустим некто – назовем его *X* – интересуется, почему я так уверенно заявил о невинности Питера Хейса, но при всем при том не пришел к нам, не позвонил, не спросил у меня. Тем не менее он явно хочет быть в курсе наших действий. Неизвестно, что еще он может предпринять для удовлетворения своего любопытства. Он или явится сам, или кого-нибудь пошлет подежурить у моего дома. – Вулф всплеснул руками. – Ну и как расценивать это нездоровое любопытство? Если убийство, за которое судят Питера Хейса, является именно тем, чем кажется со стороны: банальным преступлением на почве страсти, – кто может проявлять к нему столь сильный, но тайный интерес? Выходит, это не было банальным убийством. Вчера вы говорили, что ваш клиент стал жертвой дьявольского заговора. Если вы правы, то нет ничего удивительного, что за нашим домом была установлена слежка, когда в последний день процесса я заявил в газете о невинности подсудимого. В связи с чем у меня есть все основания полагать, что существует некто, кто почувствовал в моем заявлении угрозу для себя. Впрочем, это отнюдь не убеждает меня, что ваш клиент невиновен, однако ставит перед нами вопрос, требующий ответа.

Фрейер повернулся ко мне:

– А кто в тот день следовал за вами?

Я ответил, что не знаю, объяснил почему и описал внешность хвоста.

Фрейер сказал, что это описание ни о чем ему не говорит, и повернулся к Вулфу:

– Итак, вы исключаете *A* и *B* для нас обоих. Значит, имеется вариант *C*?

– Думаю, есть, – заявил Вулф. – Вы хотите подать апелляцию. Вы можете подготовить апелляцию за тридцать дней, не входя в значительные расходы?

– Да. Легко.

– Очень хорошо. Вы хотите подать апелляцию, а я хочу получить свой гонорар. Я предупредил своего клиента, что на поиски его сына может уйти много месяцев. Поэтому я просто сообщу ему, что работаю над решением его проблемы. Впрочем, так оно и есть. Вы представите мне всю имеющуюся у вас информацию – от и до, – и я проведу расследование. За тридцать дней – надеюсь, что раньше, – я буду знать, на каком мы свете. Если ничего не получится, придется вернуться к вариантам *A* или *B*, но пока с этим можно подождать. Ну а если результат будет положительным, мы продолжим наши усилия. Получив доказательства невинности вашего клиента, мы поставим в известность нашего клиента, и он оплатит все счета. Вашему клиенту это может не понравиться, но ему придется смириться. В любом случае я сильно сомневаюсь, что он скорее умрет на электрическом стуле, чем снова встретится со своим отцом. Ведь на нем уже не будет груза вины ни за кражу, ни за убийство. Конечно, последний вариант далеко не идеальный, но не такой отвратительный, как первый и второй. Ну что скажете, сэр?

Адвокат недоверчиво прищурился:

– Вы говорите, что проведете расследование. Но кто за это заплатит?

– Я сам. Вот в чем суть дела. Однако я надеюсь эти деньги вернуть.

– А что, если нет?

– На нет и суда нет.

– Тогда мы должны заключить письменное соглашение.

– Никаких соглашений. Я рискую потерпеть фиаско, а вы – пострадать от моей непорядочности. – Вулф внезапно перешел на крик. – Проклятье! Это ведь вашего клиента осудили за убийство. Не моего!

Фрейер был потрясен. Впрочем, ничего удивительного. Что-что, а кричать Вулф умеет.

– Не обижайтесь, – тихо произнес адвокат. – У меня и в мыслях не было обвинить вас в непорядочности. Как вы сами сказали, вы ведь тоже рискуете. Я принимаю ваше предложение. Что дальше?

Бросив взгляд на настенные часы, Вулф откинулся на спинку кресла. До ланча оставался еще целый час.

– А теперь, – сказал Вулф, – мне нужны факты. Я читал отчеты в газетах, но хочу узнать все лично от вас.

Глава 5

Питера Хейса осудили за убийство мужа его любимой женщины, совершенное вечером третьего января выстрелом в висок, чуть выше левого уха, из револьвера «марли» 38-го калибра. Я мог бы по ходу дела давать пояснения, но не мог ничего сказать о револьвере «марли», потому что в 1947 году он был украден из частного дома в Покипси и с тех пор не всплывал. Сторона обвинения не сумела объяснить, где Питер Хейс взял револьвер, ну а я – тем более.

Жертва, Майкл М. Моллой, сорока трех лет, брокер по недвижимости, жил с женой, детей у них не было, в четырехкомнатной квартире на верхнем, пятом, этаже реконструированного многоквартирного дома на Восточной Пятьдесят второй улице. На этаже была только одна квартира. В 21:18 третьего января какой-то мужчина позвонил в полицию и сообщил, что только что слышал выстрел на последнем этаже соседнего дома. Мужчина дал точный адрес: Восточная Пятьдесят вторая улица, дом 171, после чего бросил трубку, так и не назвавшись. Звонившего найти не удалось, хотя копы обшарили все соседние дома. В 21:23 коп из патрульной машины вошел в здание. Когда он поднялся на верхний этаж, предварительно проверив третий и четвертый этажи, но ничего не обнаружив, то увидел распахнутую дверь и вошел внутрь. В квартире находились двое мужчин: один живой, другой – мертвый. Мертвый, Моллой, лежал на полу в гостиной. Живой, Питер Хейс, в шляпе и пальто, явно собирался уходить, а когда коп его остановил, попытался вырваться, в связи с чем пришлось применить к нему силу. Обыскав Питера Хейса, коп обнаружил в кармане его пальто револьвер «марли» 38-го калибра.

Все это было в газетах. А также еще кое-какая информация.

Питер Хейс был копирайтером. Работал в рекламном агентстве, довольно крупном, в течение восьми лет. Вот, собственно, и все его достижения. Хорошая репутация и чистый послужной список. В общем, ни взлетов, ни падений. Неженатый. Последние три года жил в квартире-студии, с ванной и небольшой кухонькой на Западной Шестьдесят третьей улице. Он играл в теннис, ходил на шоу и в кино, прекрасно ладил с людьми, держал в комнате канарейку, имел четыре комплекта одежды, четыре пары туфель, три шляпы, машины у него не было. Ключ от двери в подъезд дома номер 171 по Восточной Пятьдесят второй улице висел у него на связке вместе с остальными ключами. После реконструкции в доме не стало лифтера, так же как и швейцара.

Офис окружного прокурора, сотрудники убийного отдела, все газеты, миллионы граждан дружно осуждали Питера Хейса за то, что тот отказался соблюдать правила игры. Окружной прокурор и копы не могли проверить его версию случившегося, газеты не могли опубликовать результаты ее анализа экспертами, а граждане не могли поспорить на эту тему, поскольку Хейс не предложил никакой версии. С момента ареста до вынесения приговора он вообще отказывался давать какие-либо объяснения. Наконец под давлением своего адвоката он ответил на один-единственный вопрос окружного прокурора в личной беседе. Это он убил Моллоя? Нет. Когда и зачем он пришел в квартиру на Восточной Пятьдесят второй улице? Какие у него были отношения с Моллоем и его женой? Каким образом ключ от двери в подъезд дома Моллоя оказался на связке с ключами? Почему у него в кармане оказался револьвер «марли» 38-го калибра? Нет ответа. Так же как и на тысячу подобных вопросов.

Другие участники событий оказались куда более разговорчивыми, некоторые – на месте для свидетелей. Приходящая служанка Моллоев за последние шесть месяцев три раза видела миссис Моллой в объятиях подсудимого, но ничего не сказала мистеру Моллою, так как ей нравилась миссис Моллой, да и вообще некрасиво совать нос в чужие дела. Тем не менее кто-то что-то сказал мистеру Моллою или мистеру Моллой сам что-то увидел или услышал. Служанка

стала свидетелем, как он выговаривал жене и выкручивал ей руку, пока миссис Моллой не упала. По словам частного детектива, нанятого мистером Моллоем в конце ноября, миссис Моллой четыре раза встречалась с Питером Хейсом в ресторане за ланчем, но все в рамках приличий. Были и другие моменты, но эти оказались самыми примечательными.

Гвоздем программы стороны обвинения, хотя и не основным свидетелем, была вдова Сельма Моллой. Двадцать девять лет, на четырнадцать лет моложе супруга, очень фотогеничная, судя по снимкам в газетах. Ее появление на месте свидетеля вызвало горячие споры. Помощник окружного прокурора намеревался задать ей ряд вопросов как важному свидетелю, но судья не разрешил. Так, например, помощник окружного прокурора собирался спросить миссис Моллой: «Питер Хейс был вашим любовником?», однако пришлось удовлетвориться расплывчатым: «В каких отношениях вы находились с Питером Хейсом?»

Миссис Моллой ответила, что ей очень нравился Питер Хейс. Она всегда относилась к нему с симпатией, как к доброму другу, и надеялась, что он отвечает ей взаимностью. Их отношения ни в коем случае нельзя было назвать непристойными. Что касается отношений миссис Моллой с мужем, то буквально через год после заключения брака три года назад она поняла, что совершила ошибку. Впрочем, ей следовало это предвидеть, поскольку до замужества она в течение года работала у Моллоя секретарем и должна была понимать, что он за человек. Прокурор сразу же обрушился на нее:

– Считаете ли вы, что такой человек, как он, заслуживал смерти?

На что Фрейер заявил, что возражает. Судья поддержал возражение, и прокурору пришлось изменить формулировку:

– А что он был за человек?

Фрейер снова выразил протест, мотивируя это тем, что свидетель не должен высказывать своего мнения, и это вызвало очередные споры. В том числе выяснилось, что мистер Моллой голословно обвинял жену в измене, поднимал на нее руку, оскорблял ее в присутствии посторонних и отказывался дать ей развод.

Последний раз миссис Моллой встречалась с Питером Хейсом на вечеринке в канун Нового года за три дня до убийства, после чего увидела его уже в зале суда. Она разговаривала с ним по телефону первого января, а затем еще раз – второго января, однако деталей разговоров она не помнит. Наверное, болтали о каких-то пустяках. Вечером третьего января, примерно в половине восьмого, миссис Моллой позвонила приятельница, у которой оказался лишний билет на шоу, и предложила составить ей компанию. Миссис Моллой приняла приглашение. Когда она вернулась домой около полуночи, то застала в квартире полицейских, которые сообщили ей о трагическом происшествии.

Альберт Фрейер не стал подвергать ее перекрестному допросу. Ознакомившись с подробностями конфиденциальных бесед адвоката с клиентом, мы поняли почему. Фрейер обещал Питеру Хейсу этого не делать.

Вулф фыркнул, но на сей раз не насмешливо:

– А разве в обязанности советника не входит разработка линии защиты?

– Если это в его силах, то да. – Фрейер, который уже сорок пять минут рассказывал нам о допросе свидетеля и отвечал на наши вопросы, смочил горло стаканом воды. – Но только не с таким клиентом. Я же говорил, это тяжелый случай. Миссис Моллой была последней свидетельницей со стороны обвинения. Со стороны защиты было пять свидетелей, и все без толку. Вы хотите их обсудить?

– Нет. – Вулф посмотрел на настенные часы, до ланча оставалось двадцать минут. – Я читал отчеты в газетах. Но мне хотелось бы знать, почему вы убеждены в его невиновности?

– Ну... тут много разных факторов. Выражение его лица, интонации голоса, реакция на мои вопросы и предложения, вопросы, которые он задавал. Короче, много всего. Но была одна характерная вещь. Во время нашего первого разговора, на следующий день после его ареста,

я подумал, что он отказывается отвечать на вопросы полиции из желания защитить миссис Моллой то ли от обвинений в убийстве, то ли от возможных сложностей, то ли от необоснованного преследования. Во время нашего второго разговора мне удалось немного продвинуться. Я сказал Хейсу, что подробности разговора адвоката с клиентом ни при каких условиях не могут разглашаться, и пригрозил отказаться от дела, если он продолжит утаивать от меня жизненно важную информацию. Он спросил меня, что будет, если я действительно откажусь от этого дела и он не станет приглашать другого защитника. Я ответил, что тогда суд назначит ему защитника, поскольку обвиняемым в преступлениях, караемых смертной казнью, положен защитник. На его вопрос, может ли что-то из рассказанного им выплыть на суде, я ответил, что без его согласия это категорически невозможно.

Стакан с водой был снова наполнен, и адвокат сделал глоток.

– Потом он мне кое-что рассказал, ну а чуть позже – еще больше. Он сказал, что вечером третьего января находился у себя в квартире, один, и только-только успел включить радио, чтобы послушать девятичасовой выпуск новостей, как зазвонил телефон. Он снял трубку и услышал мужской голос: «Питер Хейс? Это друг. Я только что вышел от Моллоев. Так вот, Майк начал бить жену. Вы меня слышите?» Мой клиент ответил «да» и собрался было задать вопрос, но мужчина повесил трубку. Тогда Хейс схватил шляпу и пальто, сел в такси возле парка, открыл своим ключом дверь в подъезд дома на Восточной Пятьдесят второй улице, поднялся на лифте на пятый этаж. Дверь в квартиру была распахнута, он вошел внутрь. Моллой лежал на полу. Мой клиент проверил квартиру, но никого не нашел. Тогда он вернулся к Моллою и понял, что тот мертв. Револьвер находился на стуле, стоявшем в пятнадцати футах от стены. Мой клиент поднял револьвер и положил в карман, после чего огляделся по сторонам в поисках других улик, но тут услышал в прихожей чьи-то шаги. Он хотел спрятаться, но затем передумал, а когда направился к входной двери, в квартиру уже входил полицейский. Вот и вся его история. Я первый, кто ее услышал. Можно было бы найти такси, на котором приехал Хейс, но зачем выкидывать деньги на ветер? Ведь все могло быть именно так, как рассказал Хейс, с одной только разницей, что, когда он приехал на Восточную Пятьдесят вторую улицу, Моллой был еще жив.

– Тогда я не понимаю, откуда у вас такая уверенность в его невиновности? – пробурчал Вулф.

– Конечно нет. Я еще остановлюсь на этом моменте. Чтобы все прояснить по ходу рассказа. Итак, пытавшись разговорить своего клиента, я спросил, откуда у него ключ от двери в подъезд. Он ответил, что, когда провожал миссис Моллой домой после вечеринки в канун Нового года, взял у нее ключ открыть подъезд и по рассеянности забыл его вернуть. Возможно, это не соответствует действительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.